

ФЕВРАЛЬ В ТОТ ГОД закрутил такими метелями, какие помнили только старожилы. Степан только вышел из кабины «бобика», который в экстренных случаях присылал за ним диспетчер комбината домой, как северный ветер, словно подкараулив, внезапно налетел из-за угла, яростно толкнул его сначала в бок, потом в спину.

Чтобы не свалиться в сугроб, он пригнулся и, защищая лицо руками от снежной крупы, направился на еле мерцающий огонек фонаря пятой проходной. Снежная кутерьма ошало металась и за ее порогом, унося сухой колючий снег в сторону горы Сосновой. Всегда шумная и многолюдная даже в утренние часы промплощадка мартеповских цехов словно вымерла.

Он понимал: денек предстоит жаркий. Небесная канцелярия расщедрилась до такой степени, что десятки километров железнодорожных путей, больше двухсот стрелок станции Западная могут оказаться под снежным покрывалом. А обеспечить продвижение составов по графику должны путейцы мастера двадцатого околотка Степана Малыша. Шесть монтерских бригад были под его началом. Но когда срывалась пурга или сутки напролет валил снег, на расчистку путей направляли подмогу из других цехов комбината. Бывало, погода «прижимала» так, что снимали с печей подручных сталеваров, закрывали на время целые отделения в прокатных цехах. До трехсот человек трудились под руководством мастера Малыша на расчистке пути по два, а то и три дня.

«Если до обеда пурга не утихнет, придется ставить раскладушку в подсобке и здесь дневать и ночевать», — подумал Степан Никифорович и вспомнил встречу с директором комбината Андреем Филатовым, когда он принимал готовность железнодорожного транспорта к работе в зимних условиях и побывал в околотке.

— Не думайте, что все на комбинате от сталеваров и доменщиков зависит, — втолковывал он путейцам. — Вы, как фундамент дома, на котором вся жизнь держится. Даже малейший сбой на железной дороге приведет к срыву работы всего сталеплавильного производства. А с техникой мы вам поможем, будут у вас и снегоочистители, и краны.

Хорошо помнит Степан Никифорович встречи и с другим директором комбината — Феодосием Вороновым. И знаменитую на весь комбинат дрезину, которую в цехе пути использовали для сварки стыковых соединителей. Знаменита она была тем, что каждую осень ее до блеска драили и мыли, красили, а затем подгоняли на девятый переезд, поближе к заводу. Оттуда степенно, как и подобает солидному руководителю, выходил директор, садился в персональную машину на рельсах и объезжал с инспекторской проверкой весь комбинат.

Воспоминания прервали пришедшие на работу путейцы. Они спорно передевались в ватники, наглухо завязывали уши шапок и закуривали по последней перед выходом на завьюженную улицу.

— Давайте, хлопцы, без раскочки и перекуров за работу, — распорядился Степан Никифорович. — Сами видите, что на улице творится. К обеду на наш околоток начальство обещало снегоочистительную машину подогнать. А пока — за лопаты и вперед.

«Сейчас бы не одну, а пару-тройку машин, чтобы на путях заносы ликвидировать. А вручную снег кидать — ухайдокаются путейцы», — подумал он, закидывая на плечо привычный «механизм» — огромную совковую лопату под названием «комсомолка». Долго еще пришлось махать лопатами, кайлами и кирками монтерам, пока на железную дорогу комбината не пришли девять самоходных щеточных снегоочистителей. А совсем вздохнули с облегчением, когда парк цеха в конце шестидесятых — начале семидесятых годов

Огромную совковую лопату лауреат премии в честь 50-летия ММК называет «комсомолкой»

ЖАРА В МЕТЕЛЬ

пополнился четырьмя снегоуборочными поездами.

Можно все было написать на метель, нехватку людей, но на станции Западная заминки в движении не случилось ни разу — за все тридцать девять лет работы Степана Никифоровича, сначала рабочим, костыльщиком, потом бригадиром, после учебы в индустриальном техникуме — мастером. Обслуживала станция мартеповские цехи ММК. Сотни составов с агломератом, известняком, другим сырьем и с готовой продукцией сталеплавильного передела — пышущими жаром изложницами — проходили через нее каждые сутки.

Не только за рубли работали в те годы люди на комбинате — на износ, не жалея себя. Многие значили чувство долга и совесть рабочего человека — понятия, которые ныне вызывают порой насмешливую улыбку. Ну, что, скажем, было зазорного в присвоении трудовым коллективам звания коммунистического труда, которое околоток Малыша получил в 1967 году, и которое путейцы подтверждали на протяжении многих лет?..

В тот метельный февральский день Степан Никифорович попал домой ближе к ночи. Десятый сон досматривали сын и дочь. Жена, Татьяна Васильевна, ушла в ночную смену: она работала в фасонно-чугунолитейном цехе комбината крановщицей. Он наскоро поужинал, убрал за собой посуду. Почему-то мысли перенеслись в далекий 1945 год, вспомнил день, вернее вечер, когда познакомился с ней. Встретил в бараке на первом участке Татьяну у знакомых, пошел ее провожать, да так по сей день и идут они по жизни вместе. У них много общего. Даже награды одинаковые — медали «За трудовое отличие», которые они заработали на комбинате. Правда, папка с грамотами у Степана Никифоровича потолще будет. Особое почтение — алой книжице, которая удостоверяет, что он — лауреат юбилейной премии в честь 50-летия комбината. В последние годы к этим знакам почести прибавились звания «Почетный пенсионер ММК», «Почетные грамоты городского Собрания, губернатора».

Татьяна Васильевна тоже из простой семьи — плотника из Пензы, приехавшего в 33-ем строить Магнитку. Ей было пятнадцать, когда началась война. Комбинату требовались рабочие руки. Окончив в ускоренном темпе ремесленное училище, она попала крановщицей в «чугунку» — так тогда называли фасонно-чугунолитейный цех. Бывало, работали в так называемых фронтных ударных

ФОТО ДМИТРИЯ РЫБАКОВА

Завтра у Степана Малыша знаменательное событие — ему исполняется 85 лет

бригадах целыми сутками. Когда от работы и холода девушку начинало качать, ночевать домой она не уходила: вместе с подругами находила укромное местечко, чаще всего в теплой душевой, и там спала до гудка на смену. В свободное время дежурила в госпиталях, общежитиях для эвакуированной молодежи. Как сама говорит, жизнь пролетела на одном вздохе. Лишь когда пошла на пенсию, отдышалась от суеты и забот.

Пожившему не один десяток лет человеку часто вспоминается детство и юность. Тянет его в давно минувшее, хочется сбросить с себя все дела и обязанности, стремглав убежать в свободную и беспечную молодость. Приглушенное эхо тех лет — сожаление об ушедших годах, желание увидеть места, где провел

прекрасную неповторимую пору — заставляет наскоро собрать пожитки и отправиться на свидание с дорогими сердцу речкой, поляной в лесу, овражком с одинокой березой, домом, где качался в колыбели...

С 1983 года, когда Степан Никифорович и Татьяна Васильевна стали пенсионерами, они на все лето уезжали на Украину, в деревню Чечелиевку, что на Кировоградчине. Здесь Степан Никифорович родился и вырос, отсюда летом 41-го ушел на фронт. Каждый раз, когда переступал порог оставшейся от родителей хаты, спускался с бугра к речке детства Верблюжке, а затем преклонял колени на могилках родных людей, больно становилось дышать от жалости и сострадания к ушедшим из жизни родителям, младшему бра-

ту. Но проходил день-другой и к Степану Никифоровичу будто молодость возвращалась. Беспокойный по характеру и натуре, он копался в саду и огороде, ремонтировал домишко. Приезжал сюда в отпуск и сын, оставляя на все лето детей. «А что, если вообще сюда перебраться жить?» — мелькнула как-то шальная мысль. Посоветовался с женой, она согласилась. Но вся затея рухнула, когда развалился СССР. Подсчитал он, что в отличие от российской, прожить на украинскую пенсию можно с очень большим трудом. Вернулся обратно, и снова в родной цех — председателем совета ветеранов. Не забросил и другое любимое дело — писать в нашу газету заметки о своих товарищах по цеху, успехах и проблемах коллектива, который в 45-м принял его, обоженного войной паренька, поверил ему и дал силы жить без оглядки на прошлое.

Есть еще одно место на земле, где довелось побывать ветерану. Иногда этот город и его красивые окрестности показывают по телевизору. Седобородый ведущий рассказывает обо всех достопримечательностях, знаменитых людях, которые родились и творили здесь. Только не тянет Малыша в те почти райские края. Для него немецкий город Нордхауз и южные отроги живописного горного массива Гарц были настоящим адом: с ходячими скелетами, механической виселицей с пятью петлями, злыми овчарками. И с шестью, всегда в клубах дыма, трубами крематория Бухенвальда — концлагеря, в котором он пробыл два года.

В немецкий плен Степан попал дважды. Столько же раз и убежал из неволи. В последний побег, осенью 1942 года, когда никто точно не знал, на сколько километров вглубь страны продвинулись фашисты, он от Армавира до своей оккупированной Чечелиевки дошел пешком. Немцы не трогали, но сидеть сложа руки в лихую годину было не в его правилах. Летом 43-го связался с партизанами. Буквально за день-два до ухода в отряд арестовали Малыша и отправили в Кировоград. Оттуда — в Германию, в Бухенвальд. Затем перевели в находящийся рядом концлагерь Дора, заключенные которого выпускали оружие возмездия — летающие снаряды «ФАУ».

Дым и запах горящих человеческих тел преследовали парня и в бараке, и в глубокой штольне горы Конштайн, где он вместе с такими же узниками разбирал неразорвавшиеся бомбы. А где-то рядом, в соседних штольнях, размещались цеха огромного завода с двумя конвейерами. С одного конвейера сходили ракеты. С другого — конвейера смерти — несколько грузовиков ежедневно вывозили в печи Бухенвальда сотни трупов.

— Кормили раз в день баландой и хлебом с опилками, — вспоминает Степан Никифорович. — Ни туалетов, ни умывальников не было. Кругом лежали горы трупов, стояла пыль несусветная. Вы знаете, для меня сам момент смерти не казался таким страшным, как все, что видел рядом с собой.

Он замолчал, как-то враз побледнел и схватился за сердце.

— Освободили нас американцы в середине апреля 45-го. Когда открыли продовольственные склады, все ринулись туда. Муку горстями, прямо из мешков ели. Когда наши узнали, что я с Украины, попросили: «Свари, Степа, полтавские галушки».

Затем был пеший переход советских заключенных в белорусский город Барановичи, фильтрационный лагерь. После проверки Степана, как и всех освобожденных, по приказу Сталина выслали этапом на стройки народного хозяйства Сибири и Урала. Так он вместе с сотней таких же «добровольцев» оказался в Магнитке. В ту пору ему было только двадцать три...

Лишь спустя годы вручили Малышу медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», орден Отечественной войны II степени...

ВЛАДИМИР РЫБАК.